

АРИФУЛЛОВ ТАЛГАТ

MANЬЯК ПОНЕВОЛЕ
ВОЗВРАЩЕНИЕ ИЗ МЕРТВЫХ

КНИГА ВТОРАЯ

18+

Тальгат Арифуллов

**Маньяк поневоле. Возвращение
из мертвых. Книга вторая.**

«Автор»

2026

Арифуллов Т. И.

Маньяк поневоле. Возвращение из мертвых. Книга вторая. /
Т. И. Арифуллов — «Автор», 2026

Сёстры-близнецы выживают — порознь, на разных концах земли, каждая уверенная, что потеряла вторую навсегда. И прежде чем их пути снова сойдутся, каждой придётся пройти свой путь заново. Одна окажется там, где о ней никто ничего не знает, — и впервые за всю жизнь научится дышать без страха, мести и крови. Другая узнает правду, которую от неё прятали четырнадцать лет. Вторая книга — о становлении. О том, как человека лепят потери, выбор и та грань, за которой возмездие превращается в жажду. И о расплате, которую готовят тому, кто привык делать из людей добычу. Тёмный, затягивающий триллер о мести и искуплении, где у каждого монстра — своё человеческое лицо, а у каждой жертвы — свой счёт.

© Арифуллов Т. И., 2026

© Автор, 2026

Содержание

ФЛЕШБЕК. МАША.	5
Глава 1. «Река принесла»	13
Глава 2. «Голос из забытья»	17
Глава 3. «Та, что повесилась»	22
Глава 4. «Тенганан»	25
Глава 5. «Десять самоубийц»	28
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Тальгат Ариффулов

Маньяк поневоле. Возвращение из мертвых. Книга вторая.

ФЛЕШБЕК. МАША.

Вода была чёрной и холодной, как сама смерть, и Маша больше не боролась с ней.

Стрела сидела в груди — Маша чувствовала её даже здесь, в реке, как чувствуют забытый в теле осколок. Течение крутило, тянуло вниз, к камням, к тьме. Лёгкие горели. Сознание распалось на слои, и каждый уносил по кусочку: сначала боль, потом холод, потом страх. Осталось только время. Оно перестало течь вперёд и потекло назад, разматываясь, будто плёнка в обратную сторону.

И Маша начала вспоминать.

Ей было шестнадцать, когда её жизнь свернула не туда — и она об этом даже не догадывалась.

Детдом пах хлоркой, варёной капустой и мокрыми тряпками, которыми мыли коридоры. Этот запах въедался в кожу, в волосы, и казалось — останется навсегда, как клеймо. Они с Лерой держались друг друга, спали на соседних койках, шептались по ночам, чтобы не услышала воспитательница. Две одинаковые девочки с одинаковыми холодными глазами, которых сторонились даже старшие.

Маша так и не узнала всех деталей — узнала позже, по обрывкам. Богатый человек по фамилии, которую тогда ещё не выучила, искал девочку для удочерения. Тихую. Без громкой родни. Без хвоста из бумаг, который потом будет тянуться. Заведующая детдома — женщина с приторной улыбкой и цепким взглядом — за конверт сделала так, чтобы хвоста не было вовсе. Ни записи о поступлении. Ни записи об удочерении. Ничего. Будто девочки и не было.

И выбрали сначала не Машу. Выбрали Леру.

Маша помнила тот день плохо и ясно одновременно. Помнила, как Лера перехватила её в коридоре — резко, цепко, своими ледяными пальцами. И проговорила ровно, буднично, как о пустяке — Тебя заведующая зовёт. Сказать что-то хочет. Иди, Маш.

— А ты? — не поняла тогда Маша.

— А я тут. Иди уже. — Лера легонько подтолкнула её в спину.

Ни слова про чужих людей за дверью. Ни слова про бумаги, про фамилию, про машину с тонированными стёклами у ворот. Маша никогда бы не пошла, если бы знала, — она вцепилась бы в сестру и не разжала рук. Лера это понимала. Поэтому и солгала — коротко, спокойно, не дрогнув ни одной чёрточкой лица.

Маша зашла в кабинет. И уже не вышла.

Там ждали — мужчина в дорогом пальто и женщина с усталыми тёплыми глазами. Заведующая с приторной улыбкой кивнула: «вот она». Бумаг, которые они подписывали, Маша не видела — да их толком и не было, всё уладил конверт. Её взяли за плечо, мягко, по-хозяйски, и повели к выходу через другую дверь — ту, что вела сразу во двор, к воротам.

Она обернулась один раз. Искала Леру взглядом в коридоре — и не нашла. Лера уже спряталась. В бойлерной, в подвале, где её не отыщут до завтрашнего утра, — чтобы не переживать, чтобы не выбежать, не вцепиться, не всё испортить.

Так Маша уехала — без следа, без бумаги, без адреса. Тенью. И только годы спустя, складывая всё своим холодным умом, Маша поняла, что сделала сестра в тот день. Богатую семью предложили Лере. Лера могла уехать сама — в белый дом за высоким забором. К жизни.

Она отдала это Маше.

Не потому, что боялась чужих. Не потому, что не хотела тепла, — она хотела его, как хочет любой ребёнок. Просто из них двоих она выбрала не себя. Холодная, резкая Лера, которая улыбалась редко и натужно, сделала единственную по-настоящему тёплую вещь в своей жизни — солгала любимой сестре в лицо и затолкала её в чужое счастье, а сама ушла в темноту, в детдом, в одиночество. Чтобы хотя бы у одной из них всё сложилось.

Документы тогда оформили быстро, тихо, без лишних бумаг. Ильхам заплатил. За то, чтобы не осталось ни единой записи — ни о поступлении в детдом, ни об удочерении. Будто её стёрли. Будто её никогда не существовало.

Тогда это казалось подарком судьбы. И лишь спустя годы, перерывая архивы, базы, запросы, Маша осознает, что именно эта тишина и развела их с Лерой навсегда. Сестра искала тень. А тени не оставляют следов.

Женщина исчезла — позже выяснится, что её убил один из тех, на кого охотилась сама Маша, тихий аккуратный убийца с делом о вырезанных сердцах. Единственная, знавшая, куда уехала девочка-без-документов, лёг в безымянную землю. И с ней умерла последняя ниточка.

Поэтому Лера не могла найти Машу. Не потому, что не искала, — потому что искать было негде. Ни записи, ни следа, ни имени. Сестра-тень растворилась в чужой фамилии, в чужом посёлке за высоким забором, и мир сомкнулся над этим, как вода над камнем.

Дом, в который её привезли, стоял на въезде в посёлок — белый камень, панорамные окна, лужайка, которую подстригал проходящий садовник. Ильхам Аббасович держал недвижимость: участки, склады, торговые площади — половина района значилась в его бумагах.

Ильхама Аббасовича она поначалу боялась. Высокий, с тяжёлыми бровями и негромким голосом, он напоминал ей всех мужчин, которых стоило опасаться. Но он ни разу не поднял на неё руки, ни разу не повысил тона. Дарил ей подарки. Учил её водить машину. Называл — дочкой.

В семье уже жила девочка — Айсель. Родная дочь Ильхама от первого брака, двенадцатилетняя, с торчащими косичками и щербинкой между передними зубами. Она ходила за Машей хвостом и таскала облезлого плюшевого зайца, у которого не хватало уха. Забиралась

к Маше под одеяло, когда снились кошмары, таскала ей конфеты, забиралась под бок во время мультиков, звала «апа» — старшая сестра. Рассказывала по секрету свои детские тайны. Маша обнимала её — тонкую, тёплую, доверчивую.

Незадолго до пожара отец стал хмурым. Маша слышала обрывки — телефонные разговоры на повышенных, слово «свалка», слово «полигон». Конкурент давил на Ильхама полгода: хотел выкупить большой участок за посёлком — под мусорный полигон, под деньги, которые пахли куда жирнее закона. Ильхам Аббасович не продавал. «Это земля, Регина, а не помойка под их карманы», — выговаривал он за ужином, и желваки ходили у него под смуглой кожей.

За три дня до той ужасной ночи в их переулке стояла серая машина с вмятиной на правом крыле. Маша заметила её — она замечала всё.

Пожар случился зимой, через месяц после того, как Маше исполнилось девятнадцать.

Она проснулась оттого, что дышать стало нечем. Дым стоял в комнате плотной горячей стеной, ел глаза, драл горло. Внизу что-то трещало, лопалось, ревело — живое и голодное. Маша помнила это рваными вспышками: коридор в огне, жар, обжигающий лёгкие изнутри, собственный крик — «Айсель!». Раскалённая дверная ручка, кожа, прилипшая к металлу. Девочка, забившаяся в угол, прижимающая к груди зайца с одним ухом, с расширенными от ужаса глазами.

— Иди ко мне. Иди, маленькая, ну.

Маша завернула её в одеяло, прижала к себе и пошла сквозь огонь. Не помнила, как нашла лестницу, как они оказались на снегу. Помнила только звёзды — невозможно яркие, чистые, равнодушные — и Айсель, кашляющую у неё на руках, живую.

А Ильхам и Регина остались внутри.

Маша сидела на снегу, держала Айсель, смотрела, как рушится крыша дома, в котором её любили, и не плакала. Слезы выгорели вместе с домом. Полиция приехала, осмотрела, развела руками. Замыкание, заявили они. Старая проводка. Несчастный случай.

Но Маша уже умела видеть. Она нашла канистру в сугробе за забором — пустую. Нашла, кому мешал Ильхам: конкуренту, который годами облизывался на лес за усадьбой — хотел вырубить его под свалку, а Ильхам не продавал, не отдавал, стоял стеной. Маша собрала всё: имена, маршруты, свидетеля, видевшего чужую машину в ту ночь. Принесла следователю папку, аккуратную, как обвинительное заключение.

Через неделю папка исчезла. Свидетель «передумал». Дело о замыкании закрыли.

Тогда что-то внутри Маши тронулось с места — медленно, как трогается лавина. Не ярость. Хуже. Понимание.

Справедливости нет, есть лишь те, у кого денег и власти больше. И если так — стеной придётся стать кому-то другому.

Поджигателя она не тронула. Не решилась, не созрела ещё. А через год его машина слетит с трассы в реку, и он захлебнётся в собственном салоне — медленно, в темноте и холоде, точно так же, как захлёбывалась в дыму её приёмная семья. Маша узнает об этом из новостей и не почувствует ничего. Ни радости, ни торжества. Только смутную мысль, что у мира всё-таки есть счёты, которые он порой сводит сам.

Айсель забрали через три дня. Маша знала, что так и будет. Не надеялась — знала. Она была чужой по крови, её ведь и на свете официально не существовало, а у Айсель оставалась родная мать — первая жена Ильхама, которая теперь вернулась за дочерью. По крови. По праву.

Та приехала в светлом пальто, с лицом растерянным и одновременно решительным. Айсель плакала, цеплялась за Машу — за рукав, за пальцы.

— Я не хочу. Я хочу с тобой. Маша.

И Маша сделала то единственное, что умела делать с любовью, — отпустила её. Присела на корточки, заправила девочке прядь за ухо, улыбнулась так, чтобы Айсель поверила.

— Поезжай. Там твоя мама. Там будет безопасно. — Голос не дрогнул, она за этим следила. — А видаться будем. Я приеду.

Это была добрая, спасительная ложь, в которую так хотелось верить им обоим. Маша вложила зайца с одним ухом девочке в руки и легонько подтолкнула к двери.

Машина уехала. И стало очень тихо. Маша осталась одна. Совсем. Родителей забрал огонь, сестру когда-то увезла чужая машина из детдома, а теперь и последнее тепло увезли в светлом пальто. Каждый раз, когда она кого-то любила, мир приходил и отнимал.

Она перебралась в загородный дом — летнюю усадьбу Ильхама на краю леса, куда раньше ездили только в каникулы. В гараже до сих пор стояли его вещи: удочки, инструменты, канистры с керосином для генератора. Запах нагретого солнцем дерева, бензина и сухой травы — запах счастливых августов, которых больше не будет.

Прошло полгода. Зима сошла, отшумела весна, наступило лето — серое и пустое для Маши, как и всё это время. Она почти не спала и много бегала вечерами по лесу, до изнеможения, чтобы хоть на час заглушить то, что копилось внутри.

В ту тёплую июльскую ночь она тоже бежала. Хвоя, нагретая за день земля, грибная прель, стрёкот в траве. И вдруг сквозь этот привычный, живой запах — крик. Женский. Рвальный.

Дальше всё отпечаталось в ней в первый раз и навсегда — но не как последовательность движений, а как одно сплошное переживание.

Трое. Девушку — незнакомую, чужую, никакую ей — волокут в чей-то дом. Один смеётся. Другой снимает на телефон. Маша метнулась назад, к усадьбе, за ружьём Ильхама. Вернулась. Вошла.

Один насиловал. Двое снимали.

Она навела ружьё, велела остановиться. Тот, что с телефоном, потянулся за пистолетом, выстрелил — и пуля чиркнула её по левому боку, распорол кожу. И вот тут случилось то, чего Маша не забудет до самой реки, до самого дна. Боли не было. Был жар. Он хлынул из распоротого бока вверх, по всему телу, до кончиков пальцев — горячий, тяжёлый, как расплавленный металл. И вместе с ним пришла сила, которой Маша в себе не знала. Что-то щёлкнуло —

тихо, окончательно, точно замок встал на место. Будто всю жизнь она ходила с вывихнутым суставом, а сейчас кость с хрустом вернулась в гнездо.

Она выстрелила насильнику в грудь — он отлетел к стене. Снимавшему — в спину, и тот рухнул в коридоре, и кровь толчками пошла у него изо рта. Третий рванул прочь, в лес. Патроны кончились. Маша побежала за ним.

Догнала легко — пьяный, грузный, он спотыкался о корни. Подножка. Он упал лицом в землю. Маша села сверху, коленями вдавила его руки в холодную землю, сомкнула пальцы на горле. Он бился, царапал ей руки — борозды потом будут кровоточить целую неделю. Но Маша держала. В её руках жила та самая сила — больше человеческой, та, что хлынула из распоротого бока, — и пальцы не разжимались, физически не могли, пока под ней не перестало дёргаться.

А потом наступила тишина.

И в этой тишине Маша впервые за полгода — за всю жизнь — выдохнула. Это было... облегчение. Вот что её потрясло. Не ужас, не отвращение, не раскаяние. Облегчение. Будто кто-то снял с её груди ту самую горящую крышу особняка, которую она таскала на себе всё это время. Внутри стало пусто и ясно — холодно и чисто, как небо в ночь над сгоревшим домом. Звёзды. Тишина. Покой.

Маша сидела над бездыханным телом и думала с пугающим, почти детским удивлением: «От чего такое удовлетворение и неожиданное облегчение».

Девушка к тому времени убежала — пока Маша гналась за третьим, та растворилась в темноте.

Маша вернулась к дому. Втащила тело третьего к двум первым. Сходила в гараж — за керосином Ильхама, тем самым, из счастливых августов. Облила всё: тела, пол, стены. Стянула с себя одежду в бурых пятнах, кинула в общую кучу. Чиркнула спичкой.

Огонь поднялся жадно, с гулом, и Маша смотрела в него — в тот самый огонь, что забрал её семью. Только теперь он работал на неё. Гарь, керосин, горящая плоть — этот запах больше не пугал её. Он стал её запахом.

Облегчение оказалось не лекарством. Оно оказалось потребностью.

Тишина внутри держалась недолго — пол года. А потом то, что Маша звала голодом, поднималось снова. И всякий раз мир услужливо подсовывал ей того, на кого его можно было направить. Маша заметила закономерность скоро: тех, кого она находила, всегда что-то прикрывало. Деньги. Власть. Погоны. Связи. Закон отворачивался от них с той же готовностью, с какой отвернулся от сгоревшего Ильхама.

Была прокурорша — холёная, в дорогом седане. Ночью на пустой дороге она сбила насмерть женщину с дочкой-первоклассницей и уехала, не сбавив хода. Дело рассыпалось само собой: то ли камер не оказалось, то ли камеры «не сохранились», то ли свидетели вдруг разучились говорить. Маша нашла её сама. И сделала так, что прокурорша больше никого никуда не повезёт. Снова — облегчение, тишина, чистое холодное небо внутри.

Были двое мажоров. Сыновья нужных людей, они забавы ради облили двух бездомных бензином и подожгли — снимали на телефон, как те катаются по асфальту живыми факелами.

Их даже не задержали толком: подержали для виду и отпустили под подписку, к папиным адвокатам. Маша отыскала видео, отыскала их самих. И огонь, которым они так любили играть, в ту ночь нашёл наконец достойных хозяев.

С каждым разом она замечала за собой страшную, простую вещь: за каждым убитым ею стояло чьё-то горе. Раздавленная на дороге девочка. Двое сожжённых заживо, которых даже не считали за людей. Сломанная любовь, оборванная жизнь, мать, потерявшая ребёнка. Маша была не людей — она была по той силе, что приходит и отнимает у людей всё хорошее. По той самой силе, что забрала родителей, Айсель.

Жестокость не была удовольствием. Она была болью — её собственной болью, размазанной по тем, кто эту боль порождал. Но это было единственное, что заглушало гарь, навсегда осевшую у Маши в лёгких.

Так она и стала такой. Не злодейкой из сказки. Просто девочкой, у которой слишком много раз отняли — и которая перестала отдавать без боя.

А потом рядом начали появляться другие — те, кого она спасала и оставляла при себе.

Софью она встретила случайно — и страшнее всего. Маша шла по делу — очередной извращенец. Дом на окраине, поздний вечер. Она вошла на звук — и увидела не того, за кем пришла. Над телом мужчины стояла молодая женщина с дробовиком в трясущихся руках. Лейтенант полиции — Маша поняла это по форменной рубашке, брошенной на спинку стула. Только в тот миг в ней не было ничего от служительницы закона. Только человек, доведённый до самого края.

Это был её отчим. После смерти матери он насиловал Софью с пятнадцати лет, годами. Она терпела, замкнулась, выросла, надела погоны — будто пыталась встать на сторону закона, который её саму так и не спас. А выстрелила она не за себя. Софья узнала, что он не остановился на ней: завёл в дом новую жертву, ещё одну девочку, такую же, какой когда-то была сама Софья. И вот тогда что-то в ней сломалось окончательно. Она пришла и сделала то, чего не сделал за неё никто.

Маша помогла ей. Они были ровесницами — обеим по двадцать шесть. С тех пор они стали единомышленниками. Софья останется в участке — и оттуда станет тихо передавать Маше дела, которые закон бросил умирать в архивной пыли. Лейтенант, ведущая двойную жизнь: днём — погон, ночью — наводчица для той, кто доводит до конца недоделанное системой.

Зарину они вытащили вместе. Софья принесла дело первой: две пропавшие девушки, заявление, спущенное на тормозах. Маша и Софья распутали то, что официальное следствие распутывать не стало, — и вышли на насильника, три месяца державшего обеих взаперти в подвале. Успели не для обеих. Подругу Зарины спасти было уже поздно. Но тоненькую, в очках, едва живую Зарину вынесли на руках. Та оплатит даром, какого у Маши не было, — умением видеть мир сквозь любые камеры, пароли и чужие тайны.

Настю Маша спасла одна. В баре пьяная девчонка плакалась подруге: тренер фотографировал её, трогал, а потом просил молчать перед родителями. Маша расслышала это сквозь гомон и пошла к нему — просто убить, без затей, как ходила всегда. Но в доме тренера, уже

занеся руку, она различила слабый стук по трубе из подвала. Там, в темноте, без воды и еды, доходила Настя — чемпионка, гроза ринга. Тренер оказался её парнем. Она нашла у него фотографии девочек — десятки детских снимков, спрятанных там, где никто не должен был искать. А он, чтобы заткнуть её навсегда, запер умирать. Маша вынесла не грозную бойчиху с афиш — она спасла сломленную, ту, из кого уже вынули всё, ради чего встают по утрам. Потому что сама знала, каково это.

Так и собралась её команда. Из спасённых. Из тех, у кого мир тоже отнял всё.

А была ещё Айсель. О ней Маша вспоминала иначе, чем обо всех остальных, — не болью, а теплом, которое тут же оборачивалось болью.

Айсель была единственным человеком на свете, которого Маша любила без оговорок, без расчёта, всем тем живым, что в ней ещё оставалось. Для Маши она всегда была маленькой, с торчащими косичками и щербинкой между зубами, с облезлым зайцем под мышкой. Которую Маша гладила по голове.

Айсель убили иначе. Сначала — изнасиловали. Маша узнает это много позже, по крупинкам, и каждая крупинка будет резать. Айсель возвращалась с олимпиады — умница, гордость, ехала с победой, с тетрадами, с планами на будущее, с целой жизнью впереди. Совсем юная, девятнадцать лет, светлая, ничего не подозревающая. Их было трое. Они отняли у неё всё в одну ночь — на обратной дороге.

Айсель не сказала Маше ни слова. Ни звонка, ни намёка. Несла это в себе одна — может, стыдилась. А через неделю — повесилась. Тихо, как умела всё делать тихо. Девочка, которая когда-то засыпала у Маши на плече.

Маша узнала правду от патологоанатома. Она пришла к нему сама. Заплатила — щедро, не торгуясь, отдала бы вдвое, вдесятеро. И он, оглядываясь на дверь, достал то, что обязан был уничтожить: образцы. ДНК трёх мужчин, оставшаяся на теле Айсель. Три профиля. Три тени без лиц.

С этого начались самые долгие три года в жизни Маши. Вчетвером — она, Настя, Софья со своими полицейскими допусками, Зарина со своими экранами и алгоритмами — они вычисляли этих троих. По крохам, по обрывкам, по совпадениям в чужих базах. Один из насильников оказался сыном генерала.

Они нашли насильников, когда у них появилась новая жертва. Ещё одна девочка. Грязный плацкарт, трое подонков и девушка, которую они волокут, как когда-то волокли ту, неизвестно, в лесу. Как когда-то — на тёмной дороге с олимпиады — волокли Айсель.

Они готовили план мести месяцами. Без спешки, без ярости напоказ. Продумали всё. Пути отхода, одежду, которую сожгут, слепую станцию на которой все произойдет, билеты на несуществующую девушку в хиджабе.

Это была не охота вслепую и не вспышка. Это был приговор — за Айсель. За её косички, за её щербинку, за её «ты ведь никогда не уедешь». За девочку, которая засыпала у Маши на плече и верила, что мир добрый.

Мир оказался не добрый. И там, среди запаха железа, шпал и крови, Маша снова увидит лицо, как у себя в зеркале. И всё начнётся по-настоящему.

Глава 1. «Река принесла»

Горная река на Бали рождалась высоко в вулканических склонах, где облака цеплялись за чёрные камни, и неслась вниз, через джунгли, через пороги, унося с собой всё, что попадало в её холодные объятия.

Арья проснулся ещё до рассвета, как просыпался каждое утро.

За окном хижины было темно и влажно. Воздух наполняли стрекот цикад и далёкий рокот воды. Арья сел на циновке, провёл ладонями по лицу и тихо, чтобы не разбудить дочь, поднялся.

В углу, свернувшись калачиком под тонким одеялом, спала Лия. Её десятилетнее тело казалось совсем маленьким в полумраке. Арья замер на секунду, глядя на неё. Эта девочка была его единственной причиной жить дальше в мире, который три года назад отнял у него жену.

Он вышел во двор. Воздух был прохладным и пах мокрой землёй. Арья развернул молитвенный коврик в сторону Мекки и начал молитву. После молитвы он взял сети, перекинул их через плечо и пошёл вниз по тропе к реке. Утренний улов кормил их с Лией. Излишек он продавал на рынке в соседней деревне. Жизнь была простой и честной. Пустой без той, кого он любил, — но он научился носить эту пустоту, как старую рану, которая больше не кровоточит, но никогда не заживет.

Тропа спускалась к излучине, где река разливалась широко и мелко. Здесь на рассвете рыба ходила косяками. Арья знал тут каждый камень. Поэтому он сразу заметил то, чего быть не должно.

На песчаной отмели, у самой кромки воды, лежало тело. Арья застыл. Первая мысль была привычной и холодной — утопленник. Но он всё равно подошёл, ступая по влажному песку.

Женщина. Молодая. Светлая кожа. Волосы спутались с илом и водорослями. Одежда изорвана. А над сердцем, прямо в груди, торчало древко стрелы. Стрела вошла высоко, чуть выше сердца. Кровь вокруг раны давно засохла, смешалась с речной грязью.

Он опустился на колени и приложил два пальца к её шее. Долгая, бесконечная секунда. И — слабый, прерывистый удар. Ещё один. Пауза. Ещё.

— Ты живая, — выдохнул он.

Это было невозможно. Стрела в груди, ледяная вода, неизвестно сколько времени в реке. По всем законам этого мира она должна была быть мертва. Но её сердце упрямо билось.

Арья много повидал. Он бился на ринге, где соперники выходили против него, чтобы убить. Он видел смерть вблизи. И теперь, глядя на эту израненную незнакомку, он чувствовал странное — будто какая-то сила внутри неё отказывалась её отпустить.

Он не стал трогать стрелу. Он осторожно подхватил женщину на руки. Она была лёгкой, как птица с перебитыми крыльями. Голова безвольно откинулась ему на плечо.

— Держись, — сказал он по-индонезийски, зная, что она не слышит. — Держись.

И он понёс её вверх по тропе, к дому, стараясь не задеть стрелу. Лия проснулась от того, что отец плечом толкнул дверь — руки у него были заняты.

— Папа?.. — она села, протёрла глаза и тут же замерла, увидев ношу в его руках. — Кто это?!

— Беги к соседу, — коротко бросил Арья, опуская женщину на циновку. — Скажи Кетуту, пусть заводит машину. Срочно. Скажи, человек умирает. Беги, Лия!

Девочка не задавала вопросов. В моменты, когда нужно действовать, в ней включалось что-то взрослое и собранное. Она вылетела за дверь босиком.

Арья опустился на колени рядом с женщиной. Он не решался ничего делать со стрелой. Только прижал чистую ткань вокруг древка, чтобы хоть как-то остановить кровь, и накрыл её пледом. Кожа у неё была ледяная.

— Кто же тебя так? — пробормотал он, глядя на стрелу.

Через несколько минут во двор, тарахтя, въехал старый пикап соседа Кетута. Лия бежала следом.

— Что случилось? — Кетут заглянул в дом и отшатнулся. — Это... откуда она?

— Река принесла, — сказал Арья. — Помоги донести. Только осторожно, не задень стрелу.

Вдвоём они перенесли женщину в кузов, подложив одеяла. Лия забралась рядом, придерживая голову незнакомки на коленях. Арья сел рядом тоже.

— В город? — спросил Кетут, садясь за руль.

— Нет, — твёрдо ответил Арья. — В соседнюю деревню. К Вайану.

Кетут обернулся, удивлённый.

— К Вайану? Но это же маленькая больничка. У него там два стола да аптечка.

— Вайан хороший хирург. Он работал в большом госпитале в Денпасаре, ты знаешь. И он мой друг. — Арья посмотрел на бледное лицо женщины. — А в городе её заберут.

Кетут не стал спорить. Он знал Арья много лет и знал: если тот что-то решил, спорить бесполезно. Старый пикап рванул по разбитой грунтовой дороге в сторону соседней деревни.

Каждую кочку Арья чувствовал как удар по собственному телу. Он смотрел на бледное лицо женщины и видел, как с каждой минутой жизнь утекает из неё. Но сердце всё ещё билось. Он чувствовал это, держа ладонь у неё на запястье.

— Держись, — повторял он. — Уже скоро. Держись.

Районная больничка была маленькой — всего несколько комнат под жестяной крышей, на отшибе у дороги. Доктор Вайан, седой худощавый человек с добрыми глазами, как раз открывал ставни, когда во двор влетел пикап.

— Вайан! — крикнул Арья, выпрыгивая из кузова. — Помоги! У меня раненая. Стрела в груди.

Вайан бросил один взгляд на женщину — и весь сон слетел с него.

— Несите внутрь. На стол. Быстро.

Они перенесли её в смотровую. Вайан разрезал остатки одежды вокруг раны, осмотрел стрелу, пощупал пульс, посветил в глаза.

— Откуда она у тебя? — спросил он, не отрываясь от работы.

— Нашёл на берегу. — Арья помолчал. — Вайан... о ней не должна знать полиция. Никто не должен знать, что она здесь. Прошу тебя.

Вайан замер на секунду, посмотрел на Арья. Между ними было много лет дружбы, много общих бед.

— Те русские, которых убили в Бали, — тихо сказал доктор. — Это с ней связано?

— Не знаю, — честно ответил Арья. — Но если её ищут те, кто это сделал, — она не доживёт до завтра, если о ней узнают.

Вайан долго смотрел на него. Потом кивнул.

— Я никому не скажу. Но, Арья... я простой деревенский врач. Стрела в сантиметре от сердца. Я сделаю что смогу. Остальное — в руках Бога.

— Этого достаточно, — сказал Арья.

Вайан выгнал всех из комнаты и закрыл дверь. Арья остался стоять в коридоре. Лия прижалась к его боку. Кетут топтался рядом. Прошёл час. Потом второй. Из смотровой не доносилось ни звука, кроме редкого позвякивания инструментов. Наконец дверь открылась. Вайан вышел, вытирая руки, усталый и постаревший.

— Я вытащил стрелу, — сказал он. — Зашил, что смог. Кровь остановил. — Он покачал головой. — Арья, я тридцать лет лечу людей, и я не понимаю, как она ещё дышит. Столько крови потеряла, столько времени в воде... Она должна была умереть.

— Она будет жить?

— Если Бог захочет, — ответил Вайан. — Ближайшие дни всё решат. Ей нужен покой и уход. Долгий.

Маша пролежала в маленькой больничке у Вайана три недели. Полиция так и не узнала. Никто не заявлял о пропаже белой женщины. Никто её не искал. Будто она и правда явилась из ниоткуда — прямо из реки.

Арья приезжал почти каждый день. Иногда привозил Лию. Девочка ставила у кровати незнакомки маленькие букетики полевых цветов.

— Она такая красивая, — шептала Лия. — Как принцесса из сказки. Только грустная.

Через три недели Вайан сказал, что её нужно забрать из больницы. Раны затянулись, остальное — время и уход.

— Забирай её домой, — сказал доктор. — Меняй повязки, давай воду по капле, следи, чтобы не было жара. И молись.

Арья привёз женщину домой на пикапе Кетута. Уложил на свою циновку, у окна, чтобы на неё падал утренний свет. Лия теперь сама вызвалась за ней ухаживать.

Уже на третий день Маша открыла глаза.

Был ранний вечер. Сквозь окно проникал мягкий золотистый свет. Лия сидела рядом и тихонько напевала балийскую колыбельную, перебирая в пальцах цветок.

И вдруг женщина пошевелилась. Веки дрогнули. Один раз. Второй. И — медленно открылись.

Сначала взгляд был пустым, блуждающим по бамбуковому потолку. Потом он остановился на лице девочки.

Лия замерла, перестала петь. Цветок выпал из её пальцев.

— Папа! — закричала она, не отрывая глаз от женщины. — Скорей сюда! Она проснулась! Она открыла глаза!

Маша смотрела на незнакомую девочку, на незнакомый потолок, на свет, льющийся в чужое окно. Она не знала, где находится. Не знала, как сюда попала. Не знала, жива она вообще или это уже не имеет значения.

Она помнила только обрыв. Пропасть под ногами. Лицо человека, который должен был быть мёртв. И стрелу, летящую ей в сердце.

Её губы шевельнулись. Тихий, хриплый, едва слышный шёпот сорвался с них:

— Лера...

И по щеке скатилась первая за двадцать четыре дня слеза.

Глава 2. «Голос из забытья»

За тысячи километров, тремя неделями ранее.

Где-то рядом капала вода. Ровно, монотонно: кап... кап... кап... Этот звук был как нить, протянутая в темноту, и Лера ухватилась за неё, не понимая ещё, кто она и где находится.

Потом пришли голоса.

Они были далёкими и приглушёнными, будто доносились сквозь толщу воды. Два женских голоса. Они говорили тихо, спорили о чём-то. Лера не могла разобрать слов, но один из голосов был странно знакомым — таким знакомым, что сердце сжалось от чего-то, чему не было названия.

Она попыталась открыть глаза. Веки были тяжёлыми, как камни. Сквозь узкие щели пробивался мутный свет. Очертания комнаты плыли, расплывались, не желая складываться в чёткую картину. Белый потолок. Окно. Чья-то тень склонилась над ней.

— Она приходит в себя, — сказал один из голосов.

— Лера? Лера, ты слышишь меня?

Она хотела ответить, но губы не слушались. Горло было сухим, как песок. Она издала только слабый хрип. И снова провалилась во тьму.

Когда она очнулась в следующий раз, за окном было темно. Голова раскалывалась. Спина горела тупой, ноющей болью, которая отдавалась во всё тело при каждом вдохе. Лера попыталась пошевелиться — и тут же замерла, задохнувшись от боли. Воспоминания накатили рваными обрывками.

СИЗО. Камера. Три женщины с заточками. Холодная сталь, вошедшая ей в спину. Скользящая. Маска на лице человека, который нёс её на руках. Голос — родной, знакомый голос. Журинов. Выстрел. Огонь. Темнота. Журинов. Имя всплыло само — и за ним хлынуло остальное, рвано, без порядка, как кадры на засвеченной плёнке.

Дверь скорой распаивается. Холодный ночной воздух бьёт в лицо. Она лежит, привязанная, спина горит, тело чужое. А над ней — человек в чёрной маске, с автоматом. Он наклоняется, подхватывает её под колени и под спину.

— Держись, родная, — выдыхает он, и она узнаёт этот голос раньше, чем глаза в прорези маски.

Низкий, хриплый. Голос человека, который заменил ей семью. Полковник Журинов. У него никогда не было ни жены, ни детей — была только она, Лера, которую он взял зелёным студентом, выучил, провёл по службе, оберегал, как родную дочь. Который однажды замял дело с тем мужиком в парке, чтобы её не выгнали. Который говорил: «Не торопись, моя хорошая. Приди в себя.»

— Тебя посадят, — прохрипела она тогда. — Брось меня, Журинов...

— Не дождутся, — отрезал он, прижимая её к себе, низко пригибаясь, неся к чёрной машине, перегородившей трассу.

Она помнила его руки. Как он держал её — бережно, будто боялся уронить, будто нёс что-то, что нельзя разбить.

А потом — крик за спиной. Конвоир опомнился. Три выстрела, чётких, один за другим. Журин дрогнул всем телом. Шаг сбился. Он опустил её на асфальт — не выронил, а именно опустил, оседая сам по боку машины, оставляя на чёрном лаке тёмный мокрый след.

Автомат в непослушных руках Леры. Ответная очередь. Конвоир падает. Пуля бьёт в бак, и ночь вспыхивает ружьем — огонь, дым, жар, плеснувший в лицо.

И тогда — руки. Чьи-то руки подхватили её из этого ада. Сильные, уверенные. Лера, в полубреду, в дыму, решила, что это Журин поднялся, что он жив, что он снова несёт её — и потянулась к нему, выдохнула его имя. Но руки были не его. Тоньше. Другие. Они уносили её прочь от горящей машины, быстро, не оглядываясь, а зарево оставалось позади, пожирая ночь, и кто-то лежал там, в этом зареве, и больше не вставал.

— Журин... — прошептала Лера в потолок чужого дома, и по виску, как тогда у него, скатилась тёплая капля.

Память обрывалась на огне и на этих чужих руках. Она не знала, чьи они были. Не знала, что стало с человеком, который сдержал слово.

— Прости меня, — выговорила она одними губами. И закрыла глаза.

«Я должна быть мертва, — подумала Лера. Она открыла глаза. Над ней был незнакомый потолок. Деревянные балки, чистые белые стены. Мягкий свет ночника в углу. Она лежала в широкой кровати, под лёгким одеялом. Это был не больничный потолок и не камера. Это был чей-то дом. Хороший дом, тихий и тёплый.

Рядом, в кресле у кровати, сидела женщина. Лера повернула голову — медленно, через боль — и посмотрела на неё. Женщина была молодой, лет тридцати. Светлые волосы. Знакомые черты лица. Знакомый разрез глаз. Лера смотрела на неё, и сердце колотилось всё сильнее, потому что это лицо она знала.

— Маша, это ты?

Женщина наклонилась ближе. В её глазах было что-то странное — не радость узнавания, а растерянность.

— Нет, — мягко сказала она. — Я не Маша.

Лера нахмурилась. Туман в голове не давал думать ясно.

— Не... не понимаю. Ты...

— Меня зовут Ангелина, — сказала женщина. — Я твоя сестра.

Слова не складывались в смысл. Лера моргнула, попыталась сесть — и боль в спине пронзила её насквозь. Она охнула и снова откинулась на подушку.

— Не двигайся, — Ангелина положила ладонь ей на плечо. — Тебе нельзя. Тебя ранили в спину, очень серьёзно. Ты потеряла много крови. Лежи спокойно.

— У меня нет... никакой сестры, — выдохнула Лера. — Только Маша. Больше никого. Кто ты? Где я?

В этот момент в комнату вошёл кто-то ещё. Лера услышала шаги — тихие, осторожные. И снова этот голос, тот самый, который она слышала сквозь забытье, тот, от которого сжималось сердце.

— Она пришла в себя?

— Только что.

Лера повернула голову на голос — и весь мир обрушился.

В дверях стояла её мать. Та самая мать, которую Лера в шестнадцать лет нашла висящей в сарае. Та самая мать, которую она четырнадцать лет назад похоронила в своей памяти, оплакала, отпустила. Та, чьё лицо она помнила только по старой выцветшей фотографии, которую таскала с собой все эти годы. Она была старше, чем на той фотографии. В волосах серебрилась седина, у глаз залегли морщины. Но это было её лицо. Её глаза. Её.

Лера почувствовала, как к горлу подкатывает тошнота. Сердце забилося так, что в ушах зашумело. Она схватилась за край одеяла.

— Нет, — прошептала она. — Нет. Этого не может быть. Ты... ты умерла. Ты повесилась. Я видела. Я сама нашла тебя в сарае. Я... я держала твоё тело...

Голос сорвался. По щекам потекли слёзы — горячие, неудержимые.

Женщина в дверях замерла. Её собственные глаза наполнились слезами. Она сделала шаг вперёд, потом другой. Опустилась на колени у кровати, не смея коснуться дочери.

— Валерия, — сказала она, и её голос дрожал. — Девочка моя. Прости меня. Прости меня за всё.

— Кто ты?! — почти закричала Лера, и от крика боль прошла спину так, что в глазах потемнело. — Скажи мне, кто ты! Это какой-то бред! Я схожу с ума! Меня убили, я... я в аду, да? Это ад?

— Тихе, тихе, — мать осторожно взяла её за руку. Ладонь была тёплой, живой, настоящей. — Ты не в аду. Ты жива. Ты дома. Со мной. С сестрой.

— Ты умерла, — повторила Лера, цепляясь за это, как за единственное, что осталось от её реальности. — Я тебя похоронила.

— Нет, моя хорошая, — мать заплакала. — Это была не я. В том сарае повесилась не я.

Лера замерла. Слёзы текли по её лицу, но она перестала всхлипывать. Она смотрела на эту женщину, на её живые глаза, на её живые слёзы. Лицо матери. Сестра по имени Ангелина, как две капли воды похожая на них с Машей. Слова «это была не я».

— Что значит — не ты? — прошептала Лера. — Кого я похоронила тогда?

Мать вытерла слёзы тыльной стороной ладони и посмотрела на Ангелину. Та кивнула — почти незаметно.

— Тебе сейчас нельзя волноваться, — сказала Ангелина. — Тебе нужен покой. Ты слишком слаба. Мы всё расскажем, но позже. Сейчас тебе нужно отдыхать.

— Нет, — Лера сжала руку матери из последних сил. — Расскажи сейчас. Я не усну, пока не пойму. Кто повесился в том сарае?

Мать долго молчала. В тишине было слышно, как снаружи шумит ветер в деревьях.

— Моя сестра, — наконец сказала она. — Моя сестра-близнец. Её звали Альбина.

Лера закрыла глаза. В голове всё плыло.

— У меня была сестра, — продолжала мать. — Близнец. Такая же, как ты с Машей. Когда ты в тот день нашла тело в сарае, ты увидела меня. Так ты подумала. Но это была Альбина.

— Зачем?.. — выдохнула Лера, не открывая глаз.

— Потому что она устала, — голос матери стал глухим. — Устала бороться. С тем, что было у неё внутри. С тем, что есть и у меня. И у тебя. И у Маши. — Она помолчала. — Я расскажу тебе всё. Обещаю. Но не сегодня. Сегодня ты должна просто жить. Просто дышать. Ты вернулась ко мне с того света, и я не дам тебе уйти снова.

В этот момент в дверь негромко постучали.

— Это доктор, — сказала Ангелина, поднимаясь. — Я говорила, что он зайдёт вечером.

В комнату вошёл пожилой мужчина с седой бородкой и кожаным саквояжем. Он коротко, по-деловому кивнул женщинам и подошёл к кровати.

— Ну, как наша пациентка? Очнулась? Хорошо, очень хорошо. — Он говорил спокойно, привычно, как человек, который многое повидал и не задаёт лишних вопросов. — Давайте-ка посмотрим вашу спину. Сможете повернуться на бок? Осторожно, я помогу.

Ангелина и мать бережно помогли Лере повернуться. Доктор отвернул край одеяла, разматывая повязку. Лера почувствовала прохладу воздуха на ране и поморщилась.

— Так-так, — пробормотал доктор, осматривая шов. — Заживает неплохо. Воспаления нет. Вам очень повезло, девушка. Удар прошёл рядом с позвоночником, задел мышцу, но не повредил ничего смертельного.

Он осторожно обработал рану антисептиком — Лера зашипела от жжения, — наложил свежую мазь и новую повязку. Его руки двигались уверенно и мягко.

— Боль будет ещё долго, — сказал он, закончив. — Это нормально. Главное — не делать резких движений, не поднимать тяжёлого. Никаких нагрузок минимум два месяца. Я оставлю обезболивающее и антибиотики. — Он посмотрел на мать. — Меняйте повязку утром и вечером. Если поднимется температура — сразу зовите меня.

— Спасибо, — тихо сказала мать.

Доктор кивнул, собрал саквояж и так же спокойно, без лишних слов, вышел.

Когда дверь за ним закрылась, Лера снова откинулась на подушку. Силы покинули её окончательно. Глаза слипались, но в голове крутился вихрь из лиц, имён и невозможных слов.

Мать. Сестра. Альбина.

— Спи, — мать наклонилась и поцеловала её в лоб. Запах мамы был самым родным, забытым, из самого детства. — Спи, моя девочка. Я никуда не уйду. Я буду здесь, когда ты проснёшься.

— Маша... — пробормотала Лера, уже проваливаясь в сон. — Где Маша? Она... она была на Бали...

Мать и Ангелина переглянулись. На их лицах мелькнула тень.

— Спи, — повторила мать, гладя Леру по голове. — Об этом мы поговорим завтра.

Лера хотела спросить ещё, но веки сомкнулись, и тьма мягко приняла её — на этот раз не страшная, а тёплая, как объятия. А две женщины ещё долго сидели в полумраке у кровати, глядя на спящую, и молчали о том, чего она пока не знала: что её сестра-близнец сейчас лежит где-то за тысячи километров отсюда, на чужом берегу, и никто из них не знает, жива она или мертва.

Глава 3. «Та, что повесилась»

Лера проспала почти сутки. Когда она проснулась, в комнату лился яркий дневной свет. Боль в спине стала тише — теперь это была не острая, рвущая боль, а тупое нытьё, с которым можно было жить. Она лежала и смотрела в потолок, на деревянные балки, и впервые за всё время её сознание было ясным.

Она была жива. Это уже не вызывало сомнений. И всё остальное тоже было реальным — мать, сестра, этот дом.

Лера осторожно повернула голову. У окна, в том же кресле, сидела мать. Она дремала, склонив голову на грудь. В дневном свете её лицо было ещё более измученным — глубокие морщины, тёмные круги под глазами. Но это было то самое лицо. Лицо, которое Лера помнила висящим в полумраке сарая четырнадцать лет назад. Будто почувствовав взгляд, мать открыла глаза.

— Проснулась, — она тут же выпрямилась, наклонилась к дочери. — Как ты себя чувствуешь? Болит?

— Терпимо, — Лера сглотнула. Горло уже не было таким сухим. — Дай воды.

Мать поднесла к её губам стакан, придержала голову. Лера сделала несколько глотков. Простая вода никогда не казалась ей такой вкусной.

— Спасибо, — сказала она. И, помолчав, добавила: — Я хочу знать всё. С самого начала.

Мать поставила стакан на тумбочку. Её руки чуть дрожали. Она посмотрела в окно, собираясь с духом, и Лера видела, как тяжело ей даётся то, что она собирается сказать.

— Хорошо, — сказала мать. — Я расскажу. Но это будет трудно слушать, Лерочка. И мне трудно говорить.

— Я следовательно, — тихо ответила Лера. — Я десять лет слушаю трудные вещи. Говори. Мать слабо улыбнулась — горько, печально.

— У меня была сестра. Близнец. Альбина. Мы родились с разницей в десять минут. Были похожи как две капли воды — нас даже родная мать иногда путала. Мы росли вместе, делили всё на двоих. И не только игрушки и платья. — Мать сжала губы. — Мы делили одну тайну. То, что было у нас внутри.

— Что было внутри? — спросила Лера.

— Болезнь. Нет, не болезнь. Что-то другое. Жажда. — Она посмотрела дочери прямо в глаза. — Жажда убивать.

Лера лежала неподвижно. В её холодном, тренированном уме что-то медленно вставало на свои места — то, что она чувствовала в себе всю жизнь и боялась назвать словами.

— Продолжай, — сказала она.

— Сначала — раздражение, гнев, который трудно сдерживать. Потом — мысли. Тёмные, навязчивые. А потом — голод. Настоящий голод, который ничем не утолить, кроме как... — Мать запнулась. — Кроме как убийством. Мы с Альбиной впервые почувствовали это в шестнадцать. Сначала мы думали, что сходим с ума. Мы не понимали, что с нами происходит. Мы боялись самих себя.

— И что вы сделали?

— Моя бабушка — рассказала нам правду. Она сама была такой. Это идёт из глубины рода, никто не знает, откуда. Она научила нас тому, чему её научила её мать. — Мать глубоко вздохнула. — Что этот голод нельзя победить. Его можно только... направить. Кормить им что-то, что не сделает тебя чудовищем. Мы научились охотиться.

— Охотиться на людей, — медленно проговорила Лера.

— Не на людей, — резко поправила мать. В её глазах вспыхнуло что-то жёсткое. — На нелюдей. На тех, кто заслужил. Мы никогда — слышишь, никогда — не трогали невинных. Мы выбирали тех, кто сам был хуже зверя. Насильников. Убийц детей. Педофилов. — Она помолчала. — Так мы держали голод в узде. Так мы оставались... почти людьми.

Лера закрыла глаза. Перед ней проносились лица. Лица всех тех, кого она сама находила убитыми за свою карьеру следователя. Убитыми странно, чисто, без следов. Преступники, которых система не могла достать. Она всегда чувствовала, что в этих делах есть что-то, чего она не видит. Теперь она понимала, что именно.

— А Альбина? — спросила она.

Лицо матери исказилось от боли.

— Альбина была слабее меня. Или, может, наоборот — сильнее. — Она вытерла глаза. — Я научилась умирять голод. Я нашла способ. Я охотилась на зверя — на настоящего зверя, в лесу. Кабаны, олени. Это не утоляло голод полностью, но смягчало его. Позволяло мне реже... делать остальное. Позволяло мне жить как человек. Растить вас. Любить вас.

Она посмотрела на Леру.

— А Альбина не смогла. Она пыталась. Видит Бог, как она пыталась. Но голод в ней был сильнее. Он рос, рос, и в конце концов она поняла, что больше не контролирует себя. Что однажды она убьёт кого-то невинного. И она не смогла с этим жить.

Лера открыла глаза.

— Так это была она. В сарае.

— Да, — прошептала мать. — В ту неделю я была в отъезде. Уезжала на охоту, далеко, чтобы вы не видели. Альбина оставалась с вами. И в один из тех дней она... она решила. — Голос матери дрожал. — Она надела моё платье. Специально. Чтобы все подумали, что повесилась я. Чтобы я могла исчезнуть, начать заново, а вас бы забрали к себе хорошие люди, подальше от этого проклятия. Она думала, что спасает нас всех. Что одной её смертью она оборвёт этот ужас. Альбина видела что вы с Машей не такие как мы.

— Но ты вернулась, — сказала Лера.

— Я вернулась. И нашла её. И тебя с Машей — вы сидели рядом с телом, держали её за руку и думали, что это я. — Мать закрыла лицо руками. — Я не смогла. Не смогла выйти и сказать: «Это не я, я жива». Потому что тогда я бы осталась с вами. А я знала, что несу в себе. Я боялась, что однажды и я не сдержусь. Что я причиню вам боль. Альбина отдала свою жизнь, чтобы оторвать меня от вас, — и я приняла её жертву. Я исчезла. Я позволила вам думать, что мать умерла. Это самое страшное, что я сделала в жизни, Лера. Хуже любого убийства.

В комнате повисла тишина. Лера лежала, глядя в потолок, и внутри неё боролись две вещи — холодная ярость следователя, которого четырнадцать лет водили за нос, и что-то детское, давно похороненное, что хотело просто заплакать и спросить: «Почему ты бросила нас?»

— Ты бросила нас, — сказала она наконец, и голос её был ровным, но в нём звенел лёд. — Меня и Машу. Нас разлучили. Маша исчезла. Я искала её четырнадцать лет. Ты хоть знаешь, что с нами было?

— Знаю, — тихо ответила мать. — Я следила за вами. Издалека. Всегда. Я знаю всё, что с вами случилось. И каждый день моей жизни — это плата за то, что я не была рядом.

Лера хотела ответить что-то злое, но в этот момент в комнату вошла Ангелина. Она держала в руках поднос с чашкой бульона.

— Я слышала ваши голоса, — сказала она. — Тебе надо поесть, Лера. Без еды ты не восстановишься.

Лера посмотрела на неё — на это лицо, так похожее на её собственное.

— А она, — Лера кивнула на Ангелину. — Откуда взялась она? Ты сказала, у тебя только мы с Машей.

Мать и Ангелина переглянулись.

— Ангелина — тоже моя дочь, — сказала мать. — Старшая. Она родилась за два года до вас. От другого мужчины. Я отдала её на воспитание ему. Чтобы уберечь от этой жизни. — Она посмотрела на старшую дочь. — В ней проснулось то же, что и в нас. Она нашла меня сама, много лет назад. И с тех пор мы вместе.

Ангелина поставила поднос на тумбочку и села на край кровати. Её взгляд был спокойным, твёрдым — взглядом человека, который давно принял всё, что мать сейчас рассказывала.

— И мы все несём в себе одно и то же. Чем раньше ты это примешь, тем легче тебе будет жить, — сказала Ангелина.

Лера долго молчала. Потом перевела взгляд на мать.

— Маша, — сказала она. — Где Маша?

Мать опустила взгляд. Ангелина тоже отвернулась.

— Отвечайте, — голос Леры стал жёстким.

Ангелина медленно подняла на неё глаза.

— Мы не знаем, — сказала она тихо. — Мы узнали что Зарину, Рената и Настю убили наемники, их тела найдены на месте убийства. Но про Машу — ничего.

— Что это значит — «ничего»? — Лера приподнялась на локте, не обращая внимания на боль.

— Это значит, — сказала Ангелина, — что мы не знаем, жива она или мертва.

Глава 4. «Тенганан»

На Бали наступало утро. Маша лежала на циновке у окна и смотрела в бамбуковый потолок. Прошло три дня с тех пор, как она открыла глаза. Три дня она почти не говорила — только пила воду, которую ей подносила маленькая Лия, ела жидкую рисовую кашу и снова проваливалась в тяжёлый сон. Тело отказывалось ей подчиняться. Каждый вдох отдавался болью в груди, где под повязкой пряталась рана от стрелы.

Но сегодня впервые с момента пробуждения сознание её было ясным. Она помнила всё.

Обрыв над рекой. Хрусталева — человека, которого она считала мёртвым, которого сама видела убитым. Его лицо, искажённое яростью. Арбалет в его руках. И стрелу, летящую ей в самое сердце. Падение в ледяную воду. А потом — темнота, долгая, без снов.

Маша осторожно повернула голову. У очага в углу хижины возилась девочка — та самая, которую она видела, когда впервые открыла глаза. Лия что-то напевала себе под нос, помешивая в котелке.

Дверь открылась, и в дом вошёл мужчина. Высокий, широкоплечий, с обветренным лицом и спокойными тёмными глазами. На вид ему было лет сорок. В руках он держал связку рыбы. Маша уже знала его — он приходил каждый день, менял ей повязки большими, но удивительно бережными руками, поил с ложки, что-то тихо говорил на языке, которого она не понимала.

— Папа! — Лия подбежала к нему, и они обменялись несколькими фразами на индонезийском.

Мужчина повесил рыбу у входа и подошёл к Маше. Увидев, что она смотрит на него ясным взглядом, он остановился.

— Доброе утро, — сказал он. К удивлению Маши — по-английски, медленно, с сильным акцентом, но понятно. — Ты сегодня выглядишь лучше. Глаза живые.

— Где я? — спросила Маша. Её английский был куда лучше его. — Кто ты?

— Меня зовут Арья, — сказал он. — Это моя дочь, Лия. Ты в моём доме. На острове Бали. — Он опустился на корточки рядом с циновкой. — Я нашёл тебя на берегу реки. Двадцать семь дней назад. У тебя в груди была стрела.

— Двадцать семь дней... — прошептала Маша. Так много времени. Так много.

— Стрела прошла рядом с сердцем, — продолжал Арья. — Мой друг, доктор, вытащил её. Он сказал, ты должна была умереть. Но ты не умерла. — Он смотрел на неё с тихим, спокойным любопытством.

— Спасибо, — сказала она наконец. — Ты спас мне жизнь.

— Не я, — Арья покачал головой и поднял палец к потолку. — Бог. Я только нёс тебя.

В этот момент за дверью послышались шаги, и в хижину вошёл пожилой человек. Маша узнала его смутно — кажется, он склонялся над ней, когда она была в забытии.

— А, наша пациентка в сознании, — сказал доктор по-английски, улыбнувшись. — Хорошо. Очень хорошо. Я как раз пришёл проверить рану. Арья сказал, тебе лучше.

Он поставил сумку рядом, вымыл руки в тазу с водой, который принесла Лия, и склонился над Машей.

— Я доктор Вайан, — сказал он, мягко разматывая повязку на её груди. — Это я тебя оперировал. — Он осмотрел рану, чуть нахмурившись, потом удовлетворённо кивнул. — Рана закрылась.

Маша поморщилась, когда он прикоснулся к краям раны, проверяя.

— Воспаления нет, — сказал доктор. — Это самое главное. Я боялся заражения — ты ведь долго пробыла в речной воде, грязной. Но твоё тело справилось. — Он покачал головой, обрабатывая шов антисептиком. — Знаешь, девочка, я тридцать лет лечу людей. И впервые вижу, чтобы кто-то так цеплялся за жизнь.

Маша промолчала. Он был ближе к истине, чем мог представить.

Доктор наложил свежую мазь и помог ей сесть, подложив под спину свёрнутое одеяло. От движения у Маши закружилась голова, но она впервые за всё время оказалась в сидячем положении.

— Ещё неделя-две покоя, — сказал Вайан. — Никаких нагрузок. Ешь побольше, набирайся сил. — Он посмотрел на неё внимательно. — И вот что я тебе скажу. Я не знаю, кто стрелял в тебя. И не хочу знать. Но кто-то очень хотел твоей смерти. Если этот человек узнает, что ты жива... — Он не закончил. — Будь осторожна. Я не сказал даже полиции.

— Полиция не знает? — переспросила Маша.

— Нет, — ответил за доктора Арья. — Я подумал, что так будет безопаснее. Белая женщина со стрелой в груди, выброшенная рекой... Об убитых русских туристах гудел весь остров. Я решил, что про тебя лучше молчать.

Маша посмотрела на него с новым интересом. Этот простой рыбак оказался куда умнее, чем она думала.

— Ты правильно решил, — сказала она тихо. — Спасибо. Снова.

Доктор Вайан попрощался, оставил какие-то лекарства и ушёл. Арья проводил его до двери и вернулся.

— Ты голодна? — спросил он. — Лия сварила кашу.

Маша кивнула. Голод действительно терзал её. Она лежала неподвижно три недели, обескровленная, истощённая, — и теперь, когда тело начало восстанавливаться, оно требовало того, что давало ему силу по-настоящему.

Лия принесла миску с кашей и присела рядом. Девочка смотрела на Машу огромными любопытными глазами.

— Она красивая, папа, — сказала Лия на индонезийском. — Можно она останется у нас?

Арья мягко погладил дочь по голове и ответил что-то тихо. Маша взяла ложку. Руки дрожали от слабости, но она ела сама — впервые. Простая рисовая каша казалась удивительно вкусной. И, глядя на отца и дочь — на этот тихий, бедный, но полный любви дом, — она почувствовала что-то незнакомое. Что-то тёплое, чему давно не было места в её жизни, полной крови, мести и охоты.

«Хрусталеv жив, — подумала она. — Он не знает, что я выжила. Я найду его. И в этот раз он умрет по настоящему».

Маша доела кашу и откинулась на подушку. Силы снова покидали её, но в голове уже складывался план. Ей нужно было восстановиться. Окрепнуть. Узнать, что произошло в её отсутствие — жива ли Лера, где сейчас Хрусталеv.

Глава 5. «Десять самоубийц»

В доме матери прошла неделя.

Лера медленно шла на поправку. Теперь она уже могла сидеть в кровати, понемногу ходить по комнате, опираясь на стену. Спина всё ещё горела при резких движениях — там, куда сокамерница вонзила заточку, — но силы возвращались с каждым днём.

Тело было ещё слишком слабым. Измученный организм едва справлялся с тем, чтобы удержать жизнь. Но мысли работали. Холодно, чётко, как всегда.

Лера снова и снова прокручивала в памяти тот момент в камере. Темнота. Боль в спине. И голос за плечом, тихий, почти ласковый: «Это тебе привет от Хрусталёва».

Хрусталёв.

Имя било в висок. Лера лично выпустила стрелу ему прямо в сердце. Она видела, как стрела вошла в сердце, как он рухнул. Она была уверена — абсолютно уверена, — что убила его.

А потом её взяли. Подставили. Обвинили. Осудили.

И теперь — заточка в спину и шёпот: «Привет от Хрусталёва».

«Этого не может быть, — думала Лера, лёжа в темноте. — Я видела, как он умер. Я попала в сердце».

Однажды утром Лера сидела за столом на кухне. Мать готовила кашу. За окном моросил дождь.

— Я хочу поговорить с Ангелиной, — сказала Лера. — О Хрусталёве.

В этот момент старшая сестра вошла, отряхивая с рук опилки — она опять колола дрова во дворе. Услышав имя, она остановилась в дверях. Что-то изменилось в её лице. Ангелина медленно подошла и села за стол напротив. Мать опустилась рядом.

— Ты не убила его, Лера, — тихо сказала Ангелина.

— Я попала в сердце, — твёрдо возразила Лера.

— Стрела вошла туда, куда ты целилась. В левую сторону груди. — Она посмотрела сестре в глаза. — Только сердце у Хрусталёва не там, где у всех. Оно справа. Зеркальное расположение органов. Он родился таким. Об этом не знал почти никто. Ты выстрелила в сердце — а попала в пустоту между лёгким и рёбрами. Он выжил.

Лера сидела неподвижно. Внутри что-то медленно холодело.

— Декстрокардия, — проговорила она.

— Да, — кивнула Ангелина. — Он выжил. И он был очень, очень зол.

Лера откинулась на спинку стула. В голове складывалась картина — страшная, безупречно логичная.

— Значит, это он, — медленно проговорила она. — Это он меня подставил. Не случайность. Месть.

— Да, — сказала Ангелина. — Хрусталёв не из тех, кто прощает. Ты выстрелила ему в грудь — он не забыл. Только убивать тебя сразу было слишком просто. Он хотел, чтобы ты сначала всё потеряла. Имя. Работу. Свободу. Чтобы тебя втоптали в грязь, объявили преступницей, посадили. А потом — заточка в спину в камере. Чтобы ты умерла, зная, от кого «привет».

— Что с Журиным? — спросила Лера. Голос ещё был слабым, но вопрос она держала в себе с того дня, как открыла глаза. — Я помню огонь. Помню руки. Я думала, это он. Думала, он поднялся.

Ангелина не отвела взгляд.

— Журина убил конвоир, — произнесла она ровно, без жалости, но и без злорадства. — Он умер там, на трассе, когда нёс тебя. Ты ранила конвоира из его автомата. А потом загорелся автомобиль Журина.

Лера молчала. Внутри что-то сжалось и не отпускало.

— Это я тебя забрала, — продолжила Ангелина. — В тот момент машина уже полыхала. Ещё бы немного и я опоздала.

Ангелина чуть помолчала.

— Тело мёртвой девушки. Я забрала его из морга заранее. Подбросила к машине, пока огонь не успел всё пожрать. Опознать там было нечего. Для всех Лера Зарубина сгорела той ночью вместе с человеком в маске.

Лера смотрела на неё долго. В этом объяснении все детали были слишком гладкими — но она была слишком слаба, чтобы цепляться за это ощущение. Она запомнила его и отложила в дальний угол. Туда, где у неё хранилось всё, что она ещё не была готова понять.

— Значит, Журин, — тихо сказала она, — заплатил за меня. А ты — спрятала.

— Да, — ответила Ангелина.

Лера закрыла глаза. Где-то на дне сознания, в том самом дальнем углу, осталось лежать ощущение неправды — лёгкое, едва заметное, как тонкая трещина в стекле. Тогда она не придала ему значения. Лера молчала. Слишком многое вставало на места.

— Это ещё не всё, — продолжала Ангелина. — Ульяновское казино — это была мелочь. Настоящее дело Хрусталёва — другое. — Она помолчала, подбирая слова. — Торговля людьми. В мировом масштабе. Целая сеть — десятки стран, тысячи людей. Он покупал и продавал живой товар, как скот. Нищих, беженцев, детей, тех, кого никто не станет искать. А самое страшное... — она понизила голос, — он устраивал охоту. На людей. Настоящую, как на зверя. Богачи со всего мира платили миллионы за право выследить и убить живого человека. Ульяновск был его старой, забытой игрушкой. А его империя — она по всему миру.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.